

Память у Юнь Мэнцзэ была цепкая: любого, кто хоть раз переступал порог санатория, он помнил в лицо. Однако мужчина, сидевший перед ним на скамейке, в этот внутренний реестр явно не входил. Не зная ни диагноза, ни истории болезни незнакомца, Юнь Мэнцзэ предпочёл держаться на безопасном расстоянии и для начала просто понаблюдать.

Человек на скамейке сидел выпрямившись, с безупречной осанкой. От всей его фигуры веяло глубоким, почти тяжеловесным спокойствием. Никакой больничной пижамы или эксцентричных нарядов — обычная строгая рубашка и классические брюки. Чуть склонив голову, он сосредоточенно и с удивительной ловкостью складывал из бумажного листка какую-то фигурку.

— Что вы здесь делаете в такой час? — мягко поинтересовался Юнь Мэнцзэ.

Не поднимая головы, тот равнодушно отозвался:

— Не спится. Вышел подышать.

— Время уже позднее, вам бы лучше вернуться в палату. Даже просто полежать и то полезнее, — попытался убедить его врач. — Вы из какого корпуса?

— Из зоны А.

Врачебный персонал между собой звал зону А «Дачным посёлком». Условия там стояли царские — лучше и дороже во всём санатории, так что и проживали там исключительно люди непростые: либо баснословно богатые, либо облечённые властью.

Поняв, что незнакомец уходить не собирается, Юнь Мэнцзэ продолжил расспросы:

— И какова же причина вашего пребывания здесь?

— Мой случай слишком сложен, — глухим басом ответил тот. — Расскажу — всё равно не поверите.

— Не узнаете, пока не попробуете.

Мужчина даже не шелохнулся:

— Какая разница. Вы мне всё равно ничем не поможете.

От него веяло арктическим холодом. Голос звучал ровно, без единой эмоции — этаким тип, с которым чертовски трудно сойтись. Впрочем, бросив эту фразу, он с неожиданной «заботой»

добавил:

— В конце концов, у вас и своих забот хватает.

Юнь Мэнцзэ едва удержался от смешка. С чего вдруг этот сухарь решил, будто перед ним тоже пациент? И тут же дала о себе знать профессиональная деформация: в голове врача против воли начал формироваться диагностический отчёт. *Скрытный, доминантный, крайне чувствительный внутри, тщательно прячет уязвимые места. В социальный контакт вступает неохотно, хотя в отношениях нуждается. За подчеркнутой вежливостью пытается спрятать истинную натуру — скорее всего, сказывается тяжёлое детство или семейная травма.*

Помянув про себя, что его ждёт неизлечимый случай по имени Сун Луоин, Юнь Мэнцзэ через портативный терминал вызвал дежурную медсестру.

— Вы правы, — обратился он к незнакомцу. — У каждого свои проблемы. Вот, например, у этой сестры: если вы не вернётесь вместе с ней в палату, старшая устроит ей выговор, а в конце месяца ещё и премии лишит. Сделайте доброе дело, помогите девушке, пусть она проводит вас.

Мужчина ответил не сразу. Лишь медленно поднял глаза. Этот взгляд можно было бы политкорректно назвать гуманным сочувствием, а без обиняков — взглядом на законченного идиота.

«Хм», — усмехнулся про себя Юнь Мэнцзэ.

Листок бумаги в длинных, невероятно гибких пальцах незнакомца совершил последние па и распустился изящным цветком ириса. Мужчина поднялся, ступив в круг света от фонаря, и коротко кивнул подошедшей сестре:

— Тогда не буду вас затруднять.

Мягкое освещение очертило его черты, и Юнь Мэнцзэ услышал, как медсестра рядом с ним судорожно вздохнула.

Под два метра ростом, но без топорной грубости в сложении. Как и бумажный ирис в его руках, он обладал особой, гранёной красотой — тонкой, даже изысканной в лепке скул и разрезе глаз. Бесстрастное выражение лица придавало ему неприступный вид, но говорил он подчеркнуто вежливо.

Проходя мимо Юнь Мэнцзэ, мужчина протянул ему бумажный цветок:

— Вам тоже пора. Не стоит создавать лишних хлопот персоналу.

Юнь Мэнцзэ молча принял ирис и на ходу вставил его в нагрудный карман халата. Проводив взглядом удаляющуюся пару, доктор спешно направился к месторасположению чрезвычайного происшествия.

Идти пришлось недалеко: вопли и отборная брань оглашали окрестности. Возле развесистого дерева толпились несколько охранников во главе с доктором Гао. Все они с запрокинутыми головами пытались вести «переговоры» с Сун Луоином, взгромоздившимся на толстую ветку.

Доктор Гао Шиань с богатыми клиентами всегда изливался елеем:

— Господин Сун, там же высоко, это опасное заблуждение! Видите, стража уже принесла лестницу? Давайте я поднимусь и помогу вам спуститься, а?

— Пошёл вон! — орал во всё горло Сун Луоин. — Только дёрнись к дереву, сцуко, я вместе с тобой отсюда сброшусь!

Гао Шиань испуганно замахал руками:

— Что вы, что вы! Не дай бог с вами что случится, нам же голова с плеч!

Семейство Сун гребло деньги лопатой и имело огромный вес в обществе — словом, настоящие олигархи. Старший сын, Сун Луокуай, учился с Юнь Мэнцзэ в одной школе, а позже они даже успели поработать вместе, так что числились в закадычных друзьях.

А вот младшенький, Сун Луоин, вырос безнадёжным шалопаем с паршивым характером, взрывным нравом и полным отсутствием тормозов. Связываться с ним никто не рисковал. Сейчас лучи фонарей суетливо метались по кроне дерева — охранники до смерти боялись, что безумный барчук сорвётся.

Юнь Мэнцзэ подошёл ближе и негромко окликнул:

— Эй, Сун Гоудань, ты чего на дерево залез? Детство решил вспомнить?

«Сун Гоудань» — «Собачье яйцо» — было тщательно скрываемым детским прозвищем Сун Луоина. Санта-Барбара в богатых семействах — дело обычное: какой же олигарх без внебрачных отпрысков? Сун Луоин как раз и был таким «подарком судьбы». В своё время Старый Сун обрюхатил секретаршу и хотел откупиться чеком, но шустрая девица сбежала в глухую деревню, родила мальчика и явилась требовать алименты только тогда, когда пацану стукнуло шесть лет. Все эти годы в глухомани незаконнорождённого мальчишку только и звали, что с пренебрежительным «Гоуданем».

Увидев Юнь Мэнцзэ, Сун Луоин моментально пустил слезу:

— Брат-а-а-а!.. Сяо-Ай загубили! Враги сжили её со свету! Я больше не хочу жить!

Старшего брата Луоин боялся до судорог, зато к Юнь Мэнцзэ привязался с детства: при каждой встрече ластился и канючил, как капризный ребёнок. Вот и сейчас он рыдал горькими, натуральными слезами — только фоновой музыки из «Песни странника» не хватало для полной драмы.

— Что стряслось с Сяо-Ай? — спросил Юнь Мэнцзэ. — Слезай, толком расскажешь.

— Демон... Он вернулся за мной! — продолжал надрываться Луоин. — Я видел его сегодня! Это он хотел меня прикончить, но моя Ай-цян проведала про его коварный замысел и заслонила меня собой! Я... я настоящий слизняк! Не смог защитить собственную женщину! Не хочу больше жить, Ы-ы-ы!..

Гао Шиань, свято уверенный, что пациент либо забил на вечерний приём лекарств, либо принял не то, бесцеремонно влез раньше Юнь Мэнцзэ:

— Господин Сун, успокойтесь. Сюда никакие посторонние не проникнут, вы в полной безопасности. И давайте будем откровенны: никакой девушки у вас нет, следовательно, и погибать никому!

— Закрой свой собачий рот! — моментально вызверился на него Луоин, забрызгивая всё вокруг слюной. — Ты себе бабу нашёл, а я, по-твоему, не могу?! Что, если дурка, так у меня и прав никаких?! Психи тоже имеют право на любовь!

В адрес Гао Шианя полетел такой отборный поток мата, что у того аж уши завяли.

Лицо Гао Шианя перекосило. Видя, что Луоин в исступлении едва не теряет равновесие на ветке, он предпочёл заткнуться.

— Луоин, возьми себя в руки, Сяо-Ай ещё можно спасти, — подал голос Юнь Мэнцзэ. — Но если ты и дальше будешь устраивать истерики, она точно испустит дух.

Парень замер:

— Мою Ай-цян... правда ещё можно спасти?

— Разумеется. В прошлый раз, когда она пострадала, кто её вылечил? Правильно, я. Спускайся и покажи, что с ней.

Утерев сопли и слёзы, Луоин, дрожа всем телом, сполз по стволу прямо в руки подоспевших охранников. Ступив на землю, он мгновенно схватил Юнь Мэнцзэ за рукав и увлёк к

ближайшей клумбе, трагически указав на кусты.

Юнь Мэнцзэ подошёл и выудил из гущи зелени человеческую фигуру. Гао Шиань, глянув на «жертву», едва не захлебнулся собственной слюной: перед ними лежала сдущаяся силиконовая кукла.

Муза всей его жизни...

Однако Юнь Мэнцзэ с максимально серьёзным и сосредоточенным видом принялся осматривать пострадавшую, провёл экспресс-диагностику и даже сделал кукле искусственное дыхание с непрямым массажем груди.

Сун Луоин закрыл лицо руками и всхлипнул:

— Брат... моя любовь жива?

Гао Шиань снова не удержался от ценного комментария:

— Да господа, я вам завтра же новую куплю! Самую лучшую, из Японии, с эффектом полного погружения и анатомической точностью!

Луоин от этих слов просто взбесился. Поток ругательств возобновился с новой силой, но сквозь этажный мат просвечивала одна-единственная глубокая мысль: любовь не продаётся.

Юнь Мэнцзэ строго взглянул на Гао Шианя, заставив того прикусить язык, и мягко произнёс:

— Не переживай, Гоудань. Она просто потеряла сознание. Кризис миновал. Сейчас я отнесу её в процедурную, поставлю капельницу — и всё будет в порядке.

На зарёванной физиономии Луоина вспыхнуло невероятное счастье. Он кинулся к кукле, сжал её в объятиях и принялся нежно гладить искусственные патлы:

— Слава богу... Сяо-Ай, радость моя, как хорошо, что ты жива!

— Ступай в палату, — похлопал его по плечу Юнь Мэнцзэ. — Я подлечу её и сразу принесу.

Луоин отдал «возлюбленную» с неохотой, но Юнь Мэнцзэ он доверял безоговорочно, а потому послушно поплёлся за охраной.

Как только они остались одни, Гао Шиань брезгливо ткнул пальцем в обвисшую резину:

— Это ещё что за бред?! Вы разрешаете больному таскать с собой по корпусу эту похабщину?!

— Почему сразу «похабщину»? Это духовный оплот Сун Луоина, — спокойно возразил Юнь Мэнцзэ, подхватив спущенную Сяо-Ай под мышку. — А вот вы, доктор Гао, смотрю, отлично разбираетесь в вопросе. Японские импортные, эффект погружения... Хм, а ваша супруга в курсе специфических увлечений мужа?

Гао Шиань задохнулся от возмущения:

— Вы...

Его полчаса поливал грязью безумный мажор, но если с больного спроса нет, то с коллегой он намеревался посчитаться по полной:

— Ваши методы лечения, доктор Юнь, переходят все границы! Если так потакать бреду пациента, он никогда не вернётся к реальности! Я буду вынужден доложить главврачу!

Юнь Мэнцзэ сочувственно вздохнул:

— Вы правы, доктор Гао. Мои методы действительно далеки от академических.

Гао Шиань уже приготовился вкушать победу, злорадно хмыкнув:

— Рад, что вы это осознаёте.

— Наверное, именно поэтому у меня самый высокий процент выздоровлений во всём санатории, — белозубо улыбнулся Юнь Мэнцзэ.

Гао Шиань молча застыл.

Глядя, как Юнь Мэнцзэ неторопливо удаляется, помахав на прощание рукой, Гао Шиань яростно сплюнул на траву. Он поклялся себе, что рано или поздно срубит этому выскочке спесь и поставит жирную точку на его безупречной карьере.

Вернувшись в кабинет, Юнь Мэнцзэ с помощью насоса вернул Сяо-Ай изначальные формы, отряхнул свой халат от грязи и прилипших листьев и отправился сдавать «пациентку» законному владельцу.

Уложив куклу на кровать, он уже собирался уходить, но Луоин мёртвой хваткой вцепился в его

рукав. Глаза парня дико вращались:

— Брат, ты должен мне поверить! Тот дьявол реально здесь, в зоне А! Сегодня он покушался на Сяо-Ай, а завтра придёт за моей душой!

Юнь Мэнцзэ мягко попытался его успокоить:

— Тебе показалось. Брат отправил тебя сюда не только подлечиться, но и ради твоей же безопасности. Сюда мышь не проскочит.

— Да клал мой брат на мою безопасность! Он просто хочет упрятать меня с глаз долой! Я не ошибаюсь, это точно он...

На полуслове Луоин внезапно осёкся. Голос его пропал. Он уставился остекленевшим взглядом на нагрудный карман Юнь Мэнцзэ, откуда торчал origami-ирис. Лицо парня стремительно серело.

— Что с тобой? — нахмурился врач.

Луоин разжал пальцы и стал судорожно отползать к стене:

— Н-ничего... Всё в порядке.

Единственный человек на всём белом свете, которому он доверял — не считая, конечно, Сяо-Ай, — тоже продался с потрохами этому исчадию ада! Скорее всего, весь санаторий уже под контролем чёртова дьявола... Надо бежать! Забирать Сяо-Ай и когтями вырываться из этого проклятого логова!

<http://bllate.org/book/20119/1991961>